

Глава 1

Лондон, 1815 год

Охотник терпеливо поджидал жертву.

Маркиз Кейнвуд затеял смертельно опасный розыгрыш. Он не сомневался, что до Язычника с Отмелей уже дошли слухи о наглеще, что, выдавая себя за него, пожинает плоды славы о его злодеяниях. А значит, пират непременно выползет из своего логова, подгоняемый ни с чем не сравнимой, по слухам, гордыней. Он обязательно захочет наказать дерзнувшего. По крайней мере Кейн на это очень рассчитывал. И как только Язычник объявится — тут-то Кейн его и сцапает.

И тогда будет положен конец всем легендам и слухам.

У маркиза просто не оставалось иного выбора: пауки ведь никогда не покидают паутины, а назначенная за голову разбойника награда никого не прельстила. Удивительно, но среди моряков не нашлось ни одного предателя, хотя обычно сия братия готова мать родную продать, причем за несравненно меньшую сумму. Однако расчеты Кейна не оправдались. Моряки, все как один, внезапно заявили, что деньги их нисколько не интересуют. И тому, как человеку опытному и к тому же цинику по натуре, оставалось только предположить, что ими двигало отнюдь не бескорыстие, а обыкновенный страх. Страх и подозрительность.

Ибо тайна, окутывавшая личность легендарного пирата, с некоторых пор приобрела харак-

тер некоей святыни. Никто не мог бы похвастаться, что видел Язычника своими глазами. Зато нашлось немало тех, кто неоднократно замечал его корабль «Изумруд», бороздящий водную гладь, словно камень, пущенный из пращи самого Господа — во всяком случае, так заявляли все, кто сподобился наяву лицезреть сию картину. Тень этой мрачной красоты наполняла ужасом титулованных светских джентльменов с тугими кошельками, рождала злорадные ухмылки на лицах записных злодеев и горячие благодарственные молитвы на устах отверженных. Не секрет, что Язычник с удовольствием делился добычей с бедняками.

И все же на борту этого загадочного корабля никому никогда не удавалось заметить ни одного матроса, что, безусловно, только подливало масла в огонь, и паутина слухов, сплетен и догадок вокруг неуловимого пирата разрасталась день ото дня.

К тому же, судя по всему, Язычник отличался завидной широтой интересов: о налетах разбойника на суше шла молва не менее грозная, чем о морских. При этом жертвами его всегда оказывались богатые знатные особы высшего света. Кроме того, пират обычно заранее предупреждал тех, против кого планировал очередное предприятие. Для этой цели была изобретена особая визитная карточка в виде чудесной белой розы на длинном стебле. Предполагаемая жертва просыпалась одним прекрасным утром и обнаруживала визитку у себя на подушке. Зачастую одного взгляда на белоснежный венчик было достаточно, чтобы нагнать на человека смертельный страх.

Нельзя было также не заметить, что беднота охотно идеализировала загадочного пирата. Эти люди не сомневались, что на самом деле Язычник — некий весьма романтический джентльмен. К их восторгам и славословиям не могла не присоединиться и церковь, ведь

4 пират частенько оставлял на папертях целые груды

сокровищ, поверх которых, конечно, лежала все та же белая роза. У епископа язык бы не повернулся проклинать Язычника. Скорее уж он возвел бы его в ранг святого, если бы не опасался неодобрительного отношения множества влиятельных лиц общества; в итоге пират удостоивался упоминания о себе, как об отъявленном мошеннике, однако всякий раз этот отзыв сопровождался легкой усмешкой и многозначительным подмигиванием.

Военный департамент отнюдь не разделял подобной снисходительности. За голову пирата назначили награду, а Кейн увеличил ее вдвое. Он выслеживал негодяя из личных соображений, не сомневаясь, что цель оправдывает средства.

Око за око, зуб за зуб. Надо наконец прикончить пирата.

Ирония ситуации заключалась в том, что противники до смешного напоминали один другого. Обыватели страшились маркиза. Его деятельность по заданию правительства во время войны была окутана покровом мрачной тайны. Сложись обстоятельства иначе — он по-прежнему не обращал бы на пирата внимания, но Язычник, впад в смертельный грех, причинил зло ему лично, и равнодушие сменила жажда мести.

Уже много ночей подряд Кейн проводил в самом сердце лондонских трущоб, в таверне под названием «Не унывай!» среди портовых рабочих. Привычно занимал угловой столик, спиной к стене, и терпеливо дожидался появления Язычника.

Маркиз вращался в этих злочных кругах с легкостью человека с темным прошлым. Здесь его титул никого не волновал: имели значение лишь физическая сила, беспощадность во время стычек и равнодушное отношение к процветавшим в таких местах пороку и жестокости.

Таверна стала вторым домом маркиза. Могу-
чее сложение, легко угадывавшиеся под одеждой

мускулы призваны были остудить пыл его возможных противников. Густая темная шевелюра, загорелое лицо и глаза цвета штормового неба в былые времена то и дело заставляли розоветь щеки прелестных дам, однако с некоторых пор те же самые дамы в один голос твердили, что ненависть сделала маркиза холоднее камня, а глаза его поражали их чувствительные души безжизненной невыразительностью. Сам Кейн сих слухов не опровергал.

И коль скоро ему угодно стало изображать Язычника — мало кто усомнился бы в такой мистификации. Местные сплетники приписывали Язычнику высокое происхождение и считали пиратство обычным чудачеством. И Кейн не преминул воспользоваться этими сплетнями. В первый раз он явился в таверну в самом изысканном костюме, рискнув прикрепить на лацкане сюртука роскошную белую розу. Сия заметная деталь, безусловно, направила мысли окружающих в нужное ему русло.

Маркизу тотчас пришлось продемонстрировать великолепное владение кинжалом, очищая место за столом. О да, он был одет, как денди, однако во время драки выказал абсолютное равнодушие к таким мелочам, как честь и достоинство, чем за несколько кратких мгновений снискал расположение окружающих и внушил страх. А достойная самого Геркулеса фигура и ловкость не могли не пробудить в душах многих еще и восхищения. Кое-кто из самых дерзких даже отважился подступить к расспросам. Уж не тот ли он самый Язычник?.. Кейн предпочел оставить щекотливый вопрос без ответа, однако по легкой ухмылке на губах матросы сделали определенный вывод. А когда он заметил трактирщику, что местные ребята сообразительны, как черти, те, похоже, решили, что докопались до истины. Не прошло и недели, как по всем значным заведениям со скоростью ветра разнеслась весть о ежевечерних визитах самого Язычника в «Не унывай!».

Лысый ирландец по прозвищу Монах, ставший владельцем таверны благодаря передергиванию в карточной игре, каждый вечер перед закрытием подсаживался к Кейну.

Он один был посвящен в тайну задуманного и всем сердцем одобрял действия маркиза, ибо также считал, что Язычник должен заплатить за причиненное горе. Удивительно, но с того самого дня, как Кейн избрал его заведение местом для своей игры, оно поразительно процветало. Судя по всему, любому и каждому не терпелось хоть одним глазком взглянуть на пресловутого Язычника, и Монах, пользуясь случаем, заломил баснословную цену за бессовестно разбавленный водой эль.

Хотя череп трактирщика был абсолютно голым, брови с лихвой восполняли недостачу. Огненно-рыжая густая курчавая поросль встречалась даже на изборожденном морщинами челе. И вот теперь Монах терзал свои замечательные брови, искренне сочувствуя маркизу.

— Вы терпеливы, словно блоха, что ждет-пождет своего шелудивого пса. Молюсь лишь об одном: пусть решимость не оставит вас.

Затем, плеснув в бокал маркиза добрую порцию бренди, трактирщик отпил прямо из бутылки.

— Рано или поздно вы выманите его. И думаю, поначалу сюда явится пара-тройка его парней припугнуть вас. Посему нелишним будет напомнить: не оставляйте спину незащищенной.

Монах отхлебнул и поморщился.

— Язычник весьма щепетилен по части своей репутации. Ваш розыгрыш наверняка прибавит ему седины. И конечно же, он вскоре объявится. Ха, держу пари, он придет сюда не позднее завтрашнего вечера.

Кейн согласно кивнул. Каждый вечер Монах с горящим взором разглагольствовал о том, что жертва вот-вот попадетя в охотничьи сети.

— А уж тогда ты расправишься с ним, Кейн, словно утка с жуком.

Кейн наконец промочил горло — впервые за весь вечер.

— Я дождусь.

По спине Монаха пробежал холодок. Едва он торопливо кивнул в знак согласия, как вдруг входная дверь распахнулась. Трактирщик успел лишь обернуться вполоборота, чтобы крикнуть, что таверна закрыта, как тут же осекся на полуслове, потрясенный увиденным. Когда наконец к нему вернулся дар речи, он хрипло прошептал:

— Святая Матерь Божия, что за ангел к нам снизошел?

Кейн ни словом, ни жестом не выдал своего удивления, тем не менее едва перевел дух.

Воистину она могла показаться ангелом. Маркиз, опасаясь, что прекрасное видение исчезнет во мраке ночи, боялся даже на секунду отвести взгляд.

Невероятной красоты глаза ярко-изумрудного оттенка завораживали.

Девушка застыла как вкопанная.

Целую вечность они изучали друг друга. Но наконец она сделала шаг вперед, от чего капюшон плаща мягко упал на плечи, и Кейн на миг лишился рассудка. Бесподобная рыжая шевелюра сияла в отблесках свечей, словно темное пламя.

Впрочем, при ближайшем рассмотрении Кейн заметил, в каком плачевном состоянии находился ее довольно дорогой наряд. Атласная зеленая накидка свисала ключьями, словно ткань изрезали ножом. Теперь Кейн просто умирал от любопытства. Да еще эти маленькие синяки на правой скуле, ссадина под полноватой нижней губой, грязь на лбу!

8 Пожалуй, ангелу пришлось дорого заплатить за свой визит. Но если даже ей только что пришлось

выдержать битву с самим Сатаной, она все еще оставалась весьма привлекательной, настолько привлекательной, что Кейн с трудом держал себя в руках. Со все возрастающим нетерпением он ожидал, когда же незнакомка соизволит заговорить.

Она остановилась. Не сводя глаз с белоснежной розы на лацкане его сюртука, девушка не могла вымолвить ни слова. Ее нежные руки дрожали, она судорожно вцепилась в сумочку, прижав ее к груди так, что угадывались многочисленные мелкие шрамы на пальцах.

— Вы что, совсем одна? — резко, подобно ветру, вымолвил он.

— Да.

— В такой час, в этой части города?

— Да, — повторила она. — А вы и есть Язычник?

До него не сразу дошло, что отвечает она прерывистым, хриплым шепотом.

— Вглядитесь получше, прежде чем расспрашивать.

Девушка оставила его совет без внимания, не в силах оторвать взгляд от белой розы.

— Умоляю, ответьте же мне, сэр, — простонала она. — Вы — Язычник? Мне совершенно необходимо поговорить с пиратом. Это дело чрезвычайной важности!

— Да, я — Язычник, — откликнулся Кейн.

— Значит, вы выполните любой заказ, если сочтете плату достаточной, — кивнула она. — Не так ли, сэр?

— Верно, — ответил Кейн. — И что же вам угодно?

В ответ она молча бросила на стол сумочку. Шнурок развязался, и на скатерть покатались деньги. Монах протяжно присвистнул от удивления.

— Здесь наберется тридцать сребреников, — пробормотала она, все еще не поднимая глаз.

— Тридцать сребреников? — многозначительно выгнул бровь маркиз.

— Разве этого мало? — неловко качнула головой незнакомка. — Поверьте, это все, что у меня есть.

— И кого же мне следует ради вас предать?

— О нет, вы неправильно поняли, — она явно смутилась от такого сравнения, — не надо никого предавать. Я вовсе не Иуда, сэр.

— Весьма рад узнать, что ошибся.

Она нахмурилась. Кейн был готов поклясться, что меньше всего в ее расчеты входило его рассердить.

— Так что же вам угодно?

— Я бы хотела, чтобы вы кое-кого убили.

— Ох, — вырвалось у него против воли. Разочарование причинило ему почти физическую боль. С виду чертовски невинная и трогательно беззащитная, она умоляла убить кого-то! — И кому же назначено стать жертвой? Вероятнее всего, мужу? — От такого цинизма ему самому стало не по себе.

Однако, судя по всему, его резкий тон не напугал девушку.

— Нет, — твердо ответила она.

— Нет? Так вы не замужем?

— А это имеет значение?

— О да, — прошептал он. — Имеет. Итак, кого же я должен убить? Отца? Брата?

Она отрицательно покачала головой.

Кейн медленно подался вперед. Терпение его почти иссякло — словно эль, разбавленный водой в бочке Монаха.

— Меня утомляет необходимость вытягивать из вас слова. Рассказывайте.

Он едва сдерживался, чтобы не закричать, понимая, что гневом только перепугает ее и так ничего и не добьется. Однако он, видимо, недооценил незнакомку: она просто зашлась от негодования. Стало быть, этот перепуганный котенок не утратил еще силы духа.

— Пообещайте мне выполнить задачу до того, как я дам полные объяснения.

— Задачу? Вы называете задачей платное убийство? — не веря своим ушам, переспросил он.

— Да, — кивнула девушка.

Она по-прежнему избегала смотреть ему в глаза. Это почему-то ужасно раздражало Кейна.

— Ну ладно, — произнес он. — Я согласен.

Она как-то сразу обмякла, и в этом Кейн уловил явное облегчение.

— Так скажите же наконец, кто станет моей жертвой? — снова осведомился он.

Она медленно подняла на него глаза. Та буря чувств, что отразилась у нее во взоре, заставила сердце Кейна болезненно сжаться. Он еле удержался, чтобы не кинуться к ней, сжать в объятиях и постараться утешить. Горе ее показалось столь безмерным, что он тряхнул головой, стараясь избавиться от этого неуместного, смешного в такой ситуации наваждения.

Черт побери, эта женщина как-никак нанимает его, чтобы кого-то убить!

Они долго, не отрываясь, смотрели друг другу в глаза, прежде чем Кейн вновь спросил:

— Ну? Так кого же следует убить?

Она нерешительно перевела дух, прежде чем ответить:

— Меня.

Глава 2

— Святая Матерь Божия, — прошептал Монах. — Да вы никак шутите, милая леди.

Не сводя глаз с Кейна, незнакомка откликнулась:

— Нет, добрый человек, я вовсе не шучу. Подумайте сами, разве я отважилась бы шутки ради сунуться ночью в эту часть города?

На сей раз вмешался Кейн:

— По-моему, вы просто сошли с ума.

— Нет, — возразила она. — Было бы куда проще, если бы вы оказались правы.

— Понятно, — пробормотал Кейн. Он изо всех сил старался не взорваться. — И когда же мне следует выполнить эту... это...

— Поручение?

— Да, поручение. Итак, когда?

— Сейчас. Если это удобно для вас, милорд.

— Если это удобно?

— О боже, простите, — прошептала она. — Я вовсе не хотела вас обидеть.

— С чего вы взяли, что обидели меня?

— Потому что вы на меня кричите.

До Кейна наконец дошло — он действительно кричал. Набрав в грудь побольше воздуха, он почувствовал, что совершенно растерялся. Пожалуй, и любой другой в здравом уме и твердой памяти на его месте был бы точно так же захвачен врасплох. Она казалась такой трогательной и к тому же пугающе уязвимой. Черт бы ее побрал вместе с веснушками на хорошеньком носике! Ей полагалось находиться дома, за семью замками и запорами, под охраной добродетельного семейства, а не стоять перед ним в этой злачной таверне, обсуждая подробности собственного убийства.

— Я могу понять, как неприятно вам все это слышать, — продолжала она. — И приношу свои искренние извинения, Язычник. Разве вам никогда прежде не доводилось убивать женщин? — В ее голосе слышалось настоящее сочувствие.

— Нет, я никогда прежде не убивал женщин, — подтвердил Кейн. — Но ведь все на свете когда-то приходится делать впервые, не так ли?

12 Он постарался вложить в последнюю фразу как

можно больше сарказма. Однако она восприняла вопрос совершенно серьезно.

— Конечно, для этого необходимо мужество, — заявила она, а затем ободряюще улыбнулась: — На самом деле для вас это не составит труда. Ну и я, конечно, вам помогу.

Кейну почему-то захотелось удариться головой об стол.

— Вы намерены мне помочь? — пробормотал он.

— Непременно.

— Вы сошли с ума!

— Ничуть, — возразила она. — Однако я попала в совершенно отчаянное положение, и потому сие поручение необходимо выполнить как можно быстрее. Не могли бы вы быть столь любезны побыстрее покончить с выпивкой?

— К чему такая спешка? — спросил он.

— Они вот-вот настигнут меня — может быть, даже этой ночью! Язычник, поверьте, я все равно погибну — не от вашей руки, так от их, но при этом хотелось бы самой распорядиться своим концом. Не можете же вы этого не понимать.

— Так отчего бы вам не убить себя самой? — рявкнул Монах. — Это ведь намного легче, чем пытаться кого-то нанять!

— Ради всего святого, Монах, не провоцируй ее.

— И не собираюсь, — возразил тот. — Я хочу понять, отчего малышке вздумалось помирать.

— Ох, я никогда не смогу убить себя сама, — пояснила та. — Ведь это ужасный грех. Такое должен сделать кто-то другой. Неужели вам непонятно?

Пожалуй, для нынешнего вечера довольно. Кейн вскочил так поспешно, что стул с грохотом упал на пол.

— Нет, я ровным счетом ничего не понимаю, но клянусь еще до рассвета во всем разобраться.

И начну с самого начала. Прежде всего вам придется называть свое имя.

— Зачем?

— Затем, что у меня есть маленькое правило, — выпалил он. — Я не убиваю незнакомцев. Итак, ваше имя?

— Очень глупо.

— Отвечайте.

— Джейд.

— Черт побери, ваше настоящее имя! — потребовал он, едва не заорав в полный голос.

— Черт побери, но это и есть мое настоящее имя! — ответила она, не скрывая раздражения.

— Вы, верно, шутите?

— Конечно, не шучу. Меня зовут Джейд. — Она нервно передернула плечами.

— Джейд — слишком уж необычное имя, — произнес он. — Впрочем, в данном случае... Вас вряд ли назовешь обычной женщиной.

— Ваше мнение сейчас не имеет никакого значения, сэръ. Я наняла вас, дабы вы исполнили некое поручение, вот и все. Или у вас такая привычка — исповедовать жертву, прежде чем прикончить?

— Скажите же свое полное имя, пока я вас не придушил. — Кейна ничуть не задела ее язвительность.

— Нет, не надо меня душить, — возразила она. — Я хочу умереть не таким образом, и не забывайте, что это я вас наняла.

— А каким же образом мне следует вас умертвить? — спросил было он. — Ох, черт, да какая разница! И знать об этом не желаю!

— Нет, вам непременно надо узнать, — настаивала Джейд. — Иначе как же вы будете меня убивать, если я не сообщу вам способа?

— После, — перебил он. — Еще успеется. Сделаем все по порядку, Джейд. Ваши родители дома?

— Весьма сомнительно.

— Почему?

— Они оба умерли.

Кейн прикрыл глаза и не спеша сосчитал до десяти.

— У вас нет родных?

— Есть.

— Есть?

Настала ее очередь считать до десяти.

— У меня есть брат. И я больше не собираюсь тратить время на пустую болтовню, Язычник. Это, знаете ли, слишком расточительно.

— Отчего же, мисс? — поинтересовался Монах.

— Чем больше вы узнаете обо мне, тем сложнее вам будет выполнить поручение. Ведь это очень обидно, убивать того, кто нравится, не так ли, сэр?

— Вот уж никогда не убивал того, кто мне нравится, — признался Монах. — Если уж на то пошло, я вообще никого не убивал. Однако ваша теория произвела на меня сильное впечатление, мисс.

Кейна вовсе не устраивал такой оборот дела.

— Джейд, уверяю вас, с этим не возникнет проблем. В данный момент вы мне абсолютно не по нраву.

— Ого, это почему же? — спросила она, отступив на шаг. — Я даже вполонину не была так груба, как вы. Может, вы просто ненормальный от рождения, Язычник?

— Не зовите меня Язычником!

— Почему бы и нет?

— Слишком опасно, мисс, если нас кто-то подслушивает, — выпалил Монах, испугавшись, что Кейн вот-вот взорвется от гнева. Маркиз всегда славился вспыльчивостью, а Джейд невольно провоцировала грозу, а уж тогда-то, в припадке ярости, он запросто мог прикончить ее.

— Ну и как же прикажете его называть? — обратилась она к хозяину таверны.